

ТЕРМИНОЛОГИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

CHARITY-RELATED TERMINOLOGY IN THE RUSSIAN LANGUAGE

DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.076
УДК 811.161.1'373.237 + 811.161.1'373.421 +
+ 172.13

О. Д. Сурикова

¹Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

²Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия

ИМЕНА РУССКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ: *IDEM VS ALIUM*

В статье осуществляется лингвистический анализ абстрактных существительных, входящих в лексико-семантическое поле «Безвозмездная помощь нуждающимся» и обозначающих ситуацию благотворительной деятельности в целом, — *благотворительность*, *донорство*, *меценатство* и *филантропия*. Все они являются синонимами, в словарных дефинициях определяются друг через друга и часто употребляются как абсолютные эквиваленты, что препятствует четкой терминологизации языка благотворительности и осложняет обоснование правовой базы этой деятельности. Цель автора настоящей работы — по возможности четко разграничить эти лексемы, с помощью исторических и толковых словарей русского языка, словарей русских синонимов, а также исследовательских инструментов «Национального корпуса русского языка» установив их смысловой объем, контекстную сочетаемость и условия текстового функционирования. Автор приходит к выводу, что центральную, ядерную позицию в структуре лексико-семантического поля «Безвозмездная помощь нуждающимся» занимает исконно русское и имеющее высокую частотность слово *благотворительность*, которое обозначает любую безвозмездную помощь и наделяется полярными коннотациями — и положительными, и отрицательными. Остальные термины занимают периферийное положение — или в силу более узкого значения (*меценатство*), или за счет ограниченной сферы употребления — преимущественно в официально-деловой сфере (*филантропия*, *донорство*). Частотность лексем, называющих благотворительную деятельность, увеличивается в периоды социальной и экономической стабильности, налаживания международных связей — и идет на спад, когда общество вынуждено бороться с серьезными неприятностями.

Яркий всплеск употребительности лексики благотворительности наблюдается в российском медиапространстве с середины 1980–1990-х гг. и нарастает до наших дней — в связи с международной тенденцией к актуализации благотворительной деятельности и модой на социальную ответственность.

Ключевые слова: русский язык; лексико-семантическое поле «Безвозмездная помощь нуждающимся»; лексикология; лексикография; синонимия; контекстная семантика; тезаурус благотворительности

Благодарности

Данное исследование проведено в рамках подготовки «Первого глоссария российской благотворительности «Язык добрых дел» для Центра исследований филантропии и социальных программ бизнеса ИНЭУ УрФУ и БФ «Умная среда». Проект поддержан Фондом Президентских грантов в 2020 г.

Цитирование: Сурикова О. Д. Имена русской благотворительности: *idem* vs *alium*. DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.076 // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 273–292.

Поступила в редакцию: 10.03.2020

Принята к печати: 28.09.2020

Olesya D. Surikova

¹Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

²V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS
Moscow, Russia

NAMES OF RUSSIAN CHARITY: IDEM VS. ALIUM

This paper provides a linguistic analysis of abstract nouns belonging to the lexical-semantic field “Gratuitous Assistance to the Needy” and denoting the situation of charitable activities in general — *благотворительность*, *донорство*, *меценатство*, and *филантропия*. All of them are synonyms; they are defined through each other in dictionary entries and are often used as absolute equivalents. This impedes uncontradictory terminologisation of the language of charity and complicates the justification of the legal framework for this activity. The author aims to distinguish these words by using historical and explanatory dictionaries of the Russian language, dictionaries of synonyms of the Russian language, and *The National Corpus of the Russian Language*. This helps to determine the semantic scope, context compatibility, and conditions of the textual functioning of these words. The author concludes that the core position in the structure of the lexical-semantic field “Gratuitous Assistance to the Needy” is occupied by the originally Russian word *благотворительность*, which has a high usage frequency, denotes any gratuitous assistance, and has polar connotations, both positive and negative. Other terms occupy the periphery — either because of a narrower meaning (*меценатство*), or due to a limited scope of use (*филантропия*, *донорство*). The frequency of lexemes

that refer to charitable activities increases during periods of social and economic stability, the establishment of better international relations, and decreases when society is forced to deal with serious problems. The intensive growth in the use of these words has been observed in the Russian media space since the mid-1980s and is still growing, which occurs due to the international actualisation of charitable activities and social responsibility trend.

Key words: Russian language; lexical-semantic field “Gratuitous Assistance to the Needy”; lexicology; lexicography; synonymy; contextual semantics; thesaurus of charity

Acknowledgements

This study is part of the preparation of the “The First Glossary of Russian Charity *The Language of Good Deeds* for the Centre for Research on Philanthropy and Social Business Programmes of the InEU, Ural Federal University, and the “Smart Environment” Business Foundation. The project is supported by the Presidential Grants Fund in 2020.

For citation: Surikova, O. D. (2020). Imena russkoi blagotvoritel'nosti: *idem* vs *alium* [Names of Russian Charity: *idem* vs. *alium*]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 4 (202), 273–292. doi: 10.15826/izv2.2020.22.4.076

Submitted: 10.03.2020

Accepted: 28.09.2020

В современном русском литературном языке лексика поля «Безвозмездная помощь нуждающимся» слабо дифференцирована и неуверенно терминологизирована. Так, например, слова *благотворительность*, *филантропия* и *меценатство* часто употребляются как абсолютные синонимы, хотя на самом деле таковыми не являются, имеют разный смысловой объем, контекстную сочетаемость и условия текстового функционирования. Четкая терминологизация и разграничение лексики обсуждаемого поля сегодня стали необходимы — это обусловлено экстралингвистической ситуацией. Одной из примет последних лет стало повышенное внимание российского общества к теме благотворительности и волонтерства — как на «низовом», «бытовом» уровне (безвозмездная консолидированная помощь рядовых членов общества друг другу без чьего-либо посредничества), так и на уровне профессиональном — благотворительными организациями. Упорядочение «словаря благотворительности» нужно для создания и обоснования правовой базы этой деятельности, выработки ее корректного и непротиворечивого метаязыка (в том числе юридического).

Лексико-семантическое поле «Безвозмездная помощь нуждающимся» репрезентирует ситуацию, которая состоит из нескольких основных актантов:

S — субъект, осуществляющий благотворительный акт (например, *благотворитель*, *меценат*);

O — объект, по отношению к которому осуществляется благотворительный акт (например, *нуждающийся*, в правовых документах — *благополучатель*);

Р — предикат (выражается глаголами, которые называют действия по осуществлению благотворительного акта, например *жертвовать*);

Inst. — инструмент благотворительности (выражается существительными, как абстрактными, так и конкретными, которые называют ресурсы, передаваемые благотворителем нуждающемуся, например, *средства, деньги, продукты питания* и т. п.).

Подробно и много о субъекте благотворительности с лингвистических позиций писала М. А. Флат [2009; 2012; 2013а; 2013б; 2014], которая в качестве ядра концептосферы «Благотворительность» выделяла наименования лиц *благотворитель, спонсор, меценат* и *филантроп*, ставя одной из важнейших своих задач проследить их семантические отличия, изменение соответствующих понятий и их оценки обществом во времени. Судьба слов *меценат* и *спонсор* (как старого и нового заимствований) интересовала также Е. В. Ларионову [Ларионова]. Лексическим обозначениям объекта (или адресата) благотворительности в правовом дискурсе и быденном языке посвящена свежая публикация А. М. Плотниковой [Плотникова]. Предикат ситуации благотворительности и его основные лексические выразители рассматриваются в статье В. С. Кучко [2020]. Таким образом, подробными лингвистическими комментариями оказались снабжены все основные актанты ситуации благотворительности.

Однако, сама ситуация как целое имеет однословные закрепленные названия — абстрактные существительные, среди которых наиболее распространены в современном русском литературном (общенародном) языке и в правовом дискурсе следующие номинации: *благотворительность, донорство, меценатство* и *филантропия*. Они наряду с обозначениями субъекта и объекта благотворительности составляют «терминологическое ядро» языка благотворительности, употребляются в быденном языке и регламентирующих документах, в презентационных и самопрезентационных контекстах и потому особенно нуждаются в подробном изучении, — которого, кажется, до сих пор не удостоились. Их лингвистическому анализу — выяснению происхождения, семантического объема, системных отношений, специфики текстового функционирования — и посвящена настоящая статья.

Продемонстрировать неравнозначность интересующих нас терминов помогут нормативные источники — в первую очередь исторические и толковые словари русского языка, словари синонимов (см. библиографию исследования), а также один из главных инструментов современного лингвиста, позволяющий анализировать употребительность слов, их контекстное «поведение» и семантические флуктуации, не отраженные в словарях, — «Национальный корпус русского языка» [НКРЯ].

Исследование рассчитано в первую очередь на внимание профессионального благотворительного сообщества, представители которого неоднократно высказывались в пользу необходимости лингвистического вмешательства в упорядочение терминологии этой деятельности. Статья включает четыре эссе, посвященные терминам *благотворительность, меценатство, филантропия*

и *донорство*. Все они состоят в отношениях синонимии — и для всех них (кроме малоупотребительного в обыденной речи *донорства* в значении ‘благотворительная деятельность’) в качестве синонима словарями предлагается также лексема *спонсорство*, которая, однако, нас здесь не интересует. Дело в том, что *спонсорство* лишено семантики безвозмездности: в отличие от всех остальных терминов ряда *спонсорство* предполагает выгоду субъекта, оказывающего финансовую (или иную) помощь; ср. дефиницию в [БТС, с. 1251]: *спонсорство* ‘финансовая поддержка, помощь кому-, чему-л. в обмен на рекламу своей деятельности, продукции и т. п.’. Анализ контекстов в [НКРЯ] показал, что *спонсорство* не переживает генерализацию семантики, четко обозначая взаимовыгодное сотрудничество, по характеру субъектно-объектных отношений во многом приближающееся к рекламе, ср. показательные контексты:

Институт *спонсорства* предполагает некий бартер. Я тебе даю деньги. Я даю тебе деньги, прошу, скажи, что я тебе их дал. И это нормальные взаимоотношения <А. Клейн. Мы же не козлы? 2003>;

Кроме того, нужно четко понять, что нам должны за наше *спонсорство* — сколько будет репортажей, статей, упоминаний, интервью <Т. Устинова. Персональный ангел. 2002>.

Это отличает абстрактное существительное *спонсорство* (470 употреблений в [НКРЯ]) от его высокочастотных однокоренных «родственников» — производящего наименования лица *спонсор* и глагола *спонсировать* (9 262 и 1 123 употребления в [НКРЯ] соответственно¹). Значение последних лексем — главным образом благодаря их высокой употребительности — способно расширяться и в некоторых контекстных условиях (в первую очередь в обыденной речи, в частности в просторечии) включать сему ‘безвозмездная помощь’ (что позволяет М. А. Флат [2014] рассматривать слово *спонсор* в качестве ядра концептосферы «Благотворительность», а В. С. Кучко [2020] анализировать глагол *спонсировать* как одну из базовых лексических реализаций предиката ситуации благотворительности).

Начнем наш анализ со слова *благотворительность* — не только первого по алфавиту, но и единственного из интересующих нас терминов, который является для русского языка исконным, наиболее употребительным и «старым».

Благотворительность

Благотворительность — дериват глагола **благотворить**, известного еще в церковнославянском и древнерусском языке (с XIII в.): *благотворити*, который является калькой греч. *ἀγαθοποιεῖν*. Калькированный глагол оказался продуктивным для производства слов, и еще до XVII в. возникли такие лексемы, как

¹ Это превышает, в первом случае значительно, частотность их синонимов из лексико-семантического поля «Благотворительность».

благотворениѣ, благотворныи, благотворецъ [СлРЯ XI–XVII, т. 1, с. 222–223]. В современном русском литературном языке обсуждаемое словообразовательное гнездо включает узуальные слова *благотворительность, благотворитель, благотворительница, благотворительный, благотворительский*.

Благотворительность часто определяется через *филантропию*, ср.: ‘оказание материальной помощи нуждающимся; филантропия’ [БТС, с. 82]. Современный неакадемический онлайн-словарь синонимов [СС] (создан в 2012 г.) предлагает следующие эквиваленты этого термина: *меценатство, спонсорство, филантропия*; в словаре под ред. А. П. Евгеньевой видим синонимические пары для однокоренных слов: *благотворитель — филантроп; благотворительный — филантропический* [ССЕ]. Определить отличия *благотворительности* от *филантропии* поможет [НКРЯ].

Благотворительность встречается в [НКРЯ] (здесь и далее при подсчете частотности словоупотребления учитываются данные основного и газетного корпусов) 3 247 раз (сведения на декабрь 2019 г.). Востребованность слова в разные исторические периоды хорошо отражает график (рис. 1). Из него видно, что *благотворительность* характеризуется стабильно высокой частотностью с начала XIX в. до наших дней, но переживает взлеты и падения, детерминированные социальной обстановкой. Самые заметные взлеты его употребительности приходятся на период с 1870-х по 1910-е гг. и на конец 1990-х гг. — до наших дней. Первый период — время активной деятельности знаменитых русских меценатов — П. М. Третьякова, С. И. Мамонтова, С. Т. Морозова и др. Второй период — время вхождения России в мировое сообщество, преодоления изоляционизма и подключения к современным тенденциям социальной ответственности (внутри- и межгосударственной).

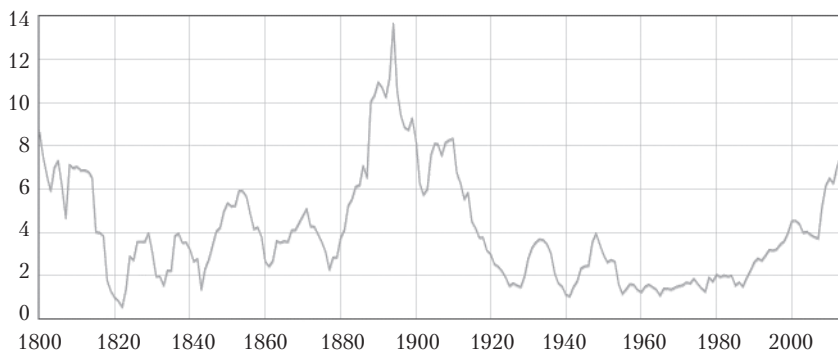

Рис. 1. Частотность употребления слова *благотворительность* по данным [НКРЯ]

Эти наблюдения верны и для куда более частотного прилагательного *благотворительный* (9 455 употреблений в [НКРЯ]), только контраст между провалами и взлетами его частотности еще более заметный (см. рис. 2). Резкие взлеты его употребительности происходят примерно в 1905–1916 гг. (выход

России на международную арену, расцвет филантропии и искусств) и с середины 1980-х гг. (с перестройки) до наших дней. Резкий обвал приходится на период после окончания Первой мировой войны и начала войны гражданской. Ср. наблюдение В. В. Виноградова:

Резкий сдвиг в русском языке произошел в эпоху социалистической революции. Ликвидация классов приводит к постепенному отмиранию классовых и сословных диалектов. Уходят в архив истории слова, выражения и понятия, органически связанные со старым режимом. Разительны изменения в экспрессивной окраске, сопровождающей слова, относящиеся к сословным или сословно окрашенным социальным понятиям прошлого, дореволюционного быта, например: *господин* <...> *барин*, *благотворительность*, *чернь*, *жалованье* и др. [Виноградов, с. 62].

В словаре под ред. Д. Н. Ушакова, который составлялся в 1928–1940 гг. и первый том которого увидел свет в 1935 г., слова гнезда *благотворительность* уже сопровождаются пометой «устаревшее» [см.: Ушаков].

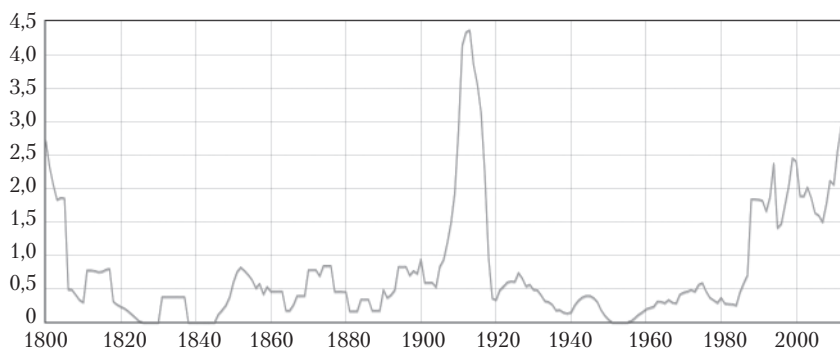

Рис. 2. Частотность употребления слова *благотворительный* по данным [НКРЯ]

Очевидна яркая тенденция — о благотворительности в обществе (в литературе и публицистике) говорят, когда обстановка в России стремится к стабильности и благополучию, когда налаживаются и укрепляются международные контакты. Во времена изоляции, смуты, серьезных социально-экономических испытаний тема благотворительности перестает быть актуальной, очевидно, уступая место более «насушным» проблемам. Единственное исключение здесь — войны. За доступный для наблюдений в [НКРЯ] период с 1800 г. до наших дней Россия участвовала в двух мировых войнах и пережила Отечественную войну 1812 г., в которой выполняла роль страдательную (остальные вооруженные конфликты, носящие более локальный характер, мы здесь учитывать не будем). По графикам заметно, что и в 1810-е, и в 1910-е, и в 1940-е гг. частотность слов *благотворительность* и *благотворительный* возрастала. С окончанием войн наблюдалось падение употребительности. Вероятно, о благотворительности особенно часто приходится говорить в периоды консолидации общества, противостоящего общему врагу и терпящего несчастья. В таком случае

благотворительность — своего рода эквивалент гуманитарной помощи, долг перед отечеством.

Что касается смыслового объема и коннотаций лексемы *благотворительность* в современном русском литературном языке (синхронный срез), то фронтальный просмотр и анализ контекстов, представленных в [НКРЯ], позволяют сделать следующие выводы. *Благотворительность* — это любое бескорыстное, безвозмездное действие, имеющее филантропическую окраску. Это необязательно финансовая помощь неимущим или больным, ср.:

Виталик, полагавший в глубине души, что Таня принадлежит главным образом ему, а Гену навещает по сложившейся традиции и по его, Виталика, молчаливому на это согласию — нечто вроде сексуальной *благотворительности* в пользу брата, — посмотрел на Таню обалделым взглядом... <Л. Улицкая. Казус Кукоцкого. 2000>;

И все-таки взрослые люди часто стесняются требовать деньги за свои услуги — вместо этого они занимаются *благотворительностью* и затем обижаются, что их используют. Стесняются просить о повышении зарплаты... <Умение действовать прямо. 2008–2013>.

В понятийный объем *благотворительности* входит также меценатство (как покровительство наукам и искусству):

Вот вы ушли в *благотворительность* — помогаете ученым и популяризируете науку <П. Бурмистров, Д. Зимин. Гедонист на службе обществу. 2011>.

Что касается характера субъектно-объектной связи в ситуации благотворительности, то она может иметь направленность «сверху вниз» (от богатых к бедным, от власть имущих к беспомощным), «снизу вверх» (от консолидированного общества, состоящего из рядовых членов, которые пытаются помочь некой организации, ср. кейс с материальной поддержкой онлайн-энциклопедии «Википедия» в 2019 г.) и — условно — в горизонтальной плоскости, когда субъект и объект имеют примерно равный социальный и материальный статус (ср. сборы денег в социальных сетях для лечения тяжелобольных людей).

Особенно часто *благотворительность* упоминается в контекстах, касающихся таких ее субъектов, как церковь и бизнес, которые, по мнению общества, обязаны жертвовать: церковь — исторически и идеологически; что же касается бизнеса, то здесь несколько мотивов. Во-первых, любой бизнес, особенно крупный, на обывательском уровне вызывает подозрения в «нечистоте» его денег, и благотворительность — способ «поделиться» с окружающими, тем самым несколько «отмыть», «очистив» грязные деньги, которые идут отныне на благие дела (мотив «для общества»). Второй мотив — патриотизм благотворительной деятельности, необходимость ею заниматься, чтобы доказать свою лояльность власти (мотив «для государства»):

У нас считается, если бизнесмен не занимается *благотворительностью* — значит, он не патриот <И. Найденов, М. Ибрагимов. Совсем другой мебель. 2011>.

Наконец, третий мотив — престижность и статусность благотворительности: это пропуск в мир социально ориентированных филантропов и меценатов, дань моде, признание в обладании «серьезными», «настоящими» деньгами, состоянием, которое не пострадает от пожертвований (мотив «для себя»). Частые призывы к состоятельным людям «возродить традиции дореволюционной русской благотворительности» балансируют между пониманием благотворительности как «духовной скрепы» русского общества (а значит, игрой на ниве патриотических чувств) и соблазнительностью образов знаменитых русских меценатов: благотворительность — это возможность войти в историю, увековечить свое имя, пощекотать самолюбие.

При всей желательности для предпринимателей, обязательности для церковных служителей — да и вообще, при всей актуальности этой темы для современной мировой общественности «классическая» благотворительность, направленная «сверху вниз» (а значит, связанная с щедростью необездоленного дарителя), часто оценивается негативно (как неискренняя, фарисейская) и вызывает подозрения в корысти благотворителя:

Никто, конечно, из нас, покойников <...> не поверит в то, что существует подлинная и бескорыстная *благотворительность* <С. Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. 2008>;

Ее простодушие от глупости или искренности? А *благотворительность* — показушная или настоящая? А вот еще брак — по любви или по расчету? <И. Найденов, Н. Водянова. Личное тело Натальи Водяновой. 2012>.

Таким образом, концепт «благотворительность» имеет двойственную природу: при безусловно положительной оценке его основного смыслового содержания он негативно коннотирован (коннотация недоверия к деньгам и бескорыстной щедрости дарителя); при наличии в составе концепта ядерного семантического компонента 'добровольность' встречаются частые указания на насильственную непреложность, дидактическую обязательность благотворительности для состоятельных людей, которую диктуют общественная мораль и корпоративный этикет.

Филантропия

Слово *филантропия* 'благотворительная деятельность, оказание помощи и покровительства неимущим, нуждающимся' [Шведова, с. 1050], 'устар. человеколюбие' [ССРЛЯ, т. 16, с. 1369–1371] пришло в русский язык из греческого (греч. *φιλανθρωπικός* 'человеколюбивый' < *φίλος* 'друг' + *άνθρωπος* 'человек'), видимо, не ранее XIX в.: впервые оно фиксируется в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (первое четырехтомное издание вышло в 1863–1866 гг.) — *филантропия* 'человеколюбие, забота об улучшении участи человечества' [Даль, т. 4, с. 550]. Гнездо содержит также сущ. *филантроп*, жен. *филантропка*, *филантропизм*, прил. и нар. *филантропический*,

филантропически. Глагол не образован. Среди синонимов *филантропии* приводятся *спонсорство*, *благотворительность*, *благотворительство*, *человеколюбие* [СС].

Лексема *филантропия* не обладает высокой частотностью: она встречается в [НКРЯ] 258 раз (график частотности см. на рис. 3).

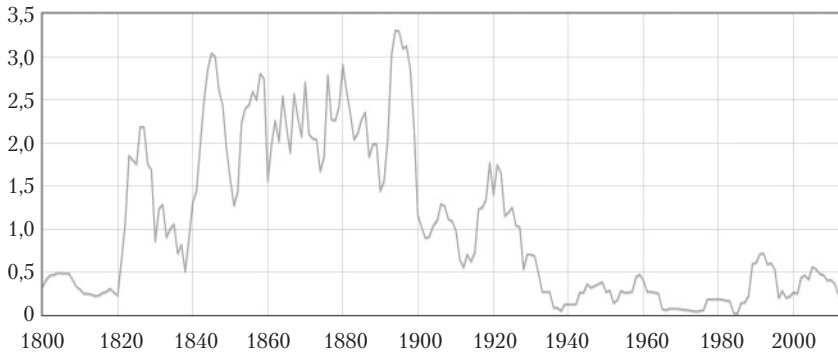

Рис. 3. Частотность употребления слова *филантропия* по данным [НКРЯ]

Самой яркой особенностью *филантропии* является падение частотности ее употребления в XX в. — начиная примерно с 1920-х гг. Если в XIX в. это слово успешно конкурировало с *благотворительностью* по степени узуальности, то дальнейшая его судьба незавидна: сохранив иноязычный облик и «флер», оно стало полным синонимом *благотворительности*, утратив исходное значение ‘человеколюбие’, и ослабило тем самым свои позиции в качестве самостоятельной значимой единицы языка.

Филантропия меньше, чем *благотворительность*, «привязана» к социальной обстановке в стране: взлеты и падения ее употребительности в XIX в., как кажется, не так тесно связаны с деятельностью знаменитых меценатов — благодаря более широкой семантике: значение ‘человеколюбие’ не теряло своей актуальности в век гуманизма. Думается, что и «провал» *филантропии* в первой трети XX в. нужно связывать скорее с устареванием значения ‘человеколюбие’ и с выводом соответствующего концепта из актуального понятийного поля.

Некоторый (не очень значительный) рост популярности этого слова в 1990-е гг. (и до сих пор) обусловлен его «благотворительной» семантикой: *филантропия* вернулась в медиапространство благодаря моде на социальную ответственность и родству (без необходимости перевода с помощью эквивалентов) с англ. *philanthropy* — в контексте укрепления связей с международными благотворительными организациями. Так второе, конкретизирующее для XIX в. значение *филантропии* — ‘благотворительность’ (как разновидность человеколюбия) — на рубеже XX–XXI вв. стало главным и послужило делу возрождения слова.

Анализ контекстов из [НКРЯ] подтверждает наши предположения. Ср. примеры «старых» (до 1930-х гг.) текстовых отрывков, где *филантропия* имеет значение ‘гуманизм, человеколюбие’:

В то время как законоучитель читал ему евангельские истории, толкуя их в духе гуманности и *филантропии*, сам Жуковский занимал Сашу чтением своих собственных произведений <Г. И. Чулков. Императоры: Психологические портреты. 1928>;

Наша общественная совесть настоятельно требует ответа на вопрос о том, каким образом гуманность и *филантропия* могут мириться с насилием, которое совершается с Россией, с той человеческой кровью, которая льется на глазах всего культурного мира не на войне, а в застенках палачей? <С. П. Мельгунов. «Красный террор» в России. 1924>;

— и новые контексты, где *филантропия* = *благотворительность, меценатство*:

Однако несмотря на это, успешные коммерсанты отчисляют на *филантропию* все больше средств, деньги идут на адресную помощь социально незащищенному населению, на поддержку национальной культуры и спорта <В России возрождается благотворительность. 2005>;

С 1988 года имя Сороса все чаще стало упоминаться в связи с возможностью получить хоть какие-то деньги на занятия с детьми, на другие культурные, обучающие, исследовательские акции, особенно в провинции. Зачем Соросу такая *филантропия*? <В. Быков, О. Деркач. Книга века. 2000>.

Филантропия, как и *благотворительность*, может иметь любую субъектно-объектную направленность — «сверху вниз», «снизу вверх» и «по горизонтали», ср., например:

— Я пришел к такому выводу, — продолжал Боб Джек, — если моя жена красива, ее красота должна служить всему человечеству. Завидная *филантропия*, думаю я. Все бы так жили, не было бы войн <А. Мешков. Весело, задорно я снимаю порно. Окончание. 2006>;

В этой обстановке надежным партнером проявил себя нью-йоркский музей «Метрополитен», не только предоставивший пять шикарных картин, но и оплативший их доставку в Москву. Хотя здесь тоже без особой *филантропии* — всего лишь культурный обмен <Д. Смолен. Был у мельника сын. 2006>.

Этот термин тесно связан с бизнес-нарративом (см. примеры выше), при этом в качестве субъекта *филантропии* может выступать также государственная власть:

Свердловские власти внедряют в практику новый для региона формат — политическую *филантропию*. В Екатеринбургском ЦПКиО прошел первый губернаторский благотворительный аукцион <С. Булгарин. Новый регион 2. 2010>.

В отличие от *благотворительности*, на сегодняшний день слово *филантропия* нейтрально (фактически лишено оценочных коннотаций — или они незначительно влияют на общую картину) и часто встречается в новостных сводках, в деловой публицистике:

Будут оглашены результаты исследований по информированности и отношению населения к донорским организациям, представлен проект Форума доноров «О создании благоприятных условий для развития *филантропии* в России» <РИА Новости. 18.11.2004>.

Кажется, в случае с *филантропией* можно сделать лингвистический прогноз: этот термин, сохранивший яркий иноязычный облик, но давно уже ставший «родным» для русского языка, должен укреплять свои позиции благодаря тесной связи с англ. *philanthropy* и ориентированности российского медиапространства на использование международной (главным образом англоязычной) лингвистической номенклатуры. Отсутствие нужды в переводе может даже способствовать предпочтению *филантропии* перед *благотворительностью* в публицистических и деловых русскоязычных текстах.

Меценатство

Термин *меценатство* ‘деятельность мецената; покровительство, оказываемое меценатом кому-, чему-л.’ [ССРЛЯ, т. 6, с. 641] восходит к названию субъекта — *меценат* ‘богатый покровитель наук и искусств; вообще тот, кто покровительствует какому-н. делу, начинанию’ [Там же], которое имеет отантропонимический характер: оно происходит от имени богатого римского патриция *Мецената* (*Maecenas*, род. *Maecenatis*, I в. до н. э.), оказывавшего покровительство и материальную поддержку кружку поэтов (Вергилию, Горацию, Проперцию и др.) [Там же]. В русский язык лексема *меценат* проникла из итальянского (*meccenate*) [Шведова, с. 445] в 1740-е гг. [СлРЯ XVIII, т. 12, с. 163]. Словообразовательно она оказалась продуктивной: в гнездо сегодня входят, кроме *меценатства*, также жен. *меценатка*, прил. *меценатский*, гл. *меценатствовать*. В качестве основных синонимов слова *меценатство* указываются *спонсорство*, *благотворительность*, *покровительство* [СС].

Частотность *меценатства*, как и *филантропии*, невысокая: оно встречается в [НКРЯ] 277 раз (график частотности см. на рис. 4).

В целом картина схожа с той, что дает *благотворительность*: частотность *меценатства* так же тесно связана с ситуацией в социуме, и всплески его активности (относительной — с поправкой на невысокую употребительность) практически полностью совпадают с периодами особенно частых упоминаний *благотворительности*. Причины, вероятно, те же: меценатство, как и благотворительность, приходит в общественную жизнь, когда базовые потребности социума — в безопасности, финансовой и экономической стабильности — удовлетворены.

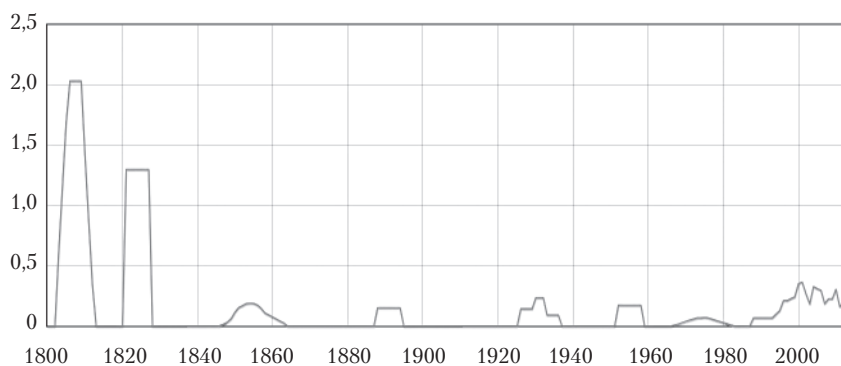

Рис. 4. Частотность употребления слова *меценатство* по данным [НКРЯ]

График, однако, демонстрирует и некоторые отличия от ситуации с *благотворительностью* — это касается военного времени. Если *благотворительность* в периоды вооруженных конфликтов обнаруживает устойчивый рост употребительности, то частотность *меценатства* в это время резко падает. Думается, дело в семантической спецификации термина *меценатство*: в отличие от *благотворительности*, имеющей широкий смысловой спектр и способной приобретать патриотические коннотации, это слово обладает достаточно конкретным значением, связанным с помощью науке, искусствам, образованию — сферам не самым насущным, финансовая поддержка которых несущественна на фоне борьбы с внешним врагом, с нищетой, голодом и болезнями.

Согласно данным [НКРЯ], *меценатство* чаще всего связано с просветительством:

Увеличьте финансирование библиотек и ассигнования на писательские стипендии, гранты, арт-резиденции и т. п. Стимулируйте *меценатство*. Не забивайте лопатой, а развивайте гуманитарное образование и гуманитарную науку <А. Привалов. О безделицах>.

В более редких случаях *меценатство* приравнивается к *благотворительности* и начинает обозначать любую безвозмездную помощь, но такое расширение не является для *меценатства* симптоматичным — это свойство всех слов разбираемого семантического поля:

Юбилей города показал, что возрождается *меценатство* — десятки предпринимателей и организаций пожертвовали на благоустройство города более 30 миллионов рублей <Если есть у России душа... 2004>.

В отличие от *благотворительности* и *филантропии*, *меценатство* подразумевает направленность только «сверху вниз», но не «снизу вверх» и не «по горизонтали». Это слово часто появляется в контекстах, где речь идет

о предпринимательстве и бизнесе, но не о церкви (роскошь и излишества церковью не поощряются) и не о государстве (оно тоже занято более насущными проблемами):

В последнее время в крае стало развиваться *меценатство*. Состоятельные люди вкладывают деньги и в учреждения образования <Е. Дмитриева. Этапы трудной учебы. 2003>.

Связь «меценатство — сильные мира сего» — историческая: в общественном сознании существует устойчивая ассоциация: *меценатство* — это просвещенное богатое купечество, «барство», роскошь, щедрость от избытка, настоящее бескорыстие, часто обозначаемые вполне конкретными фамилиями — Третьяков, Морозов, Мамонтов и др.:

Прекрасные лица сияли вокруг меня <...> завсегда у дома были последние могики той духовности, интеллигентности, веселой доброты, что вывели в московском предреволюционном обществе на почве щедрого *меценатства* Морозовых, Мамонтовых, Третьяковых, Щукиных, Бахрушиных, Солдатенковых, Прохоровых <Ю. Нагибин. Тьма в конце туннеля. 1994>.

Интересно, кстати, что *меценатство* лишено негативных коннотаций, присущих *благотворительности*, — возможно, потому, что речь идет о забаве для богатых, о щедрости из прихоти, а не по нужде, из которой вряд ли можно извлечь выгоду:

Какой же россиянин не любит богатых — с их загулами, причудами, но в то же время и *меценатством*, помощью бедным, сирым да убогим! <Р. Гусейнов. Осень олигархов. 2000>.

Меценатство, связанное с именами великих благотворителей рубежа XIX–XX вв., служит «скрепой государственности» и патриотическим крючком не меньше *благотворительности*, ср. типичный контекст (один из многих) о возрождении «легендарного русского (дореволюционного) меценатства»:

Я верю в процветание усадебной культуры земли русской и верю в возрождение легендарного российского *меценатства* <М. Агутина. Знали бы Рузвельт с Эйзенхауэром. 2000>.

Таким образом, говоря о *меценатстве*, мы получаем более цельную и однородную картину, чем в случае с *благотворительностью*. Это просветительская деятельность только для богатых частных лиц, «статусная», осуществляемая из душевной широты, прихоти, творческого порыва, направленная на поддержку «ненасущных» сфер общественной жизни, по-настоящему бескорыстная, положительно оцениваемая и вызывающая восхищение.

Донорство

Наконец, последнее слово, о котором пойдет речь, — *донорство*. Оно самое «молодое» в русском языке из всех рассматривавшихся терминов: эта лексема образована от наименования лица *донор* ‘человек, дающий свою кровь для переливания, для медицинских целей, а также дающий какой-н. орган, ткань для пересадки кому-н. другому’ [Шведова, с. 210] — от франц. *donneur* ‘даритель’ (которое восходит, в свою очередь, к лат. *dono* ‘дарю’) [ССРЛЯ, т. 3, с. 978]. В русском языке *донор*, *донорство* и прилагательное *донорский* (это и все словообразовательное гнездо) возникают только во время Второй мировой войны, — конечно, в связи с насущной потребностью в сдаче крови для военных госпиталей.

Графики частотности слов *донорство*, *донорский*, *донор* см. на рис. 5–7.

После войны частотность слов гнезда *донорство* временно снижается (за неактуальностью) — и вновь начинает расти в начале 1960-х гг. Особенный всплеск наблюдается с начала 1980-х гг. — благодаря достижениям трансплантологии и репродуктивных технологий и выведением их в широкое общественное «пользование»: по данным [НКРЯ], *донорской* становится не только кровь, но и внутренние органы, и покровы, и сперма (соответствующие соматизмы являются наиболее частотными контекстными партнерами прил. *донорский* в современном русском литературном языке).

Вероятно, в 1990-е гг., когда в актуальное поле возвращается лексика благотворительности, а может, и несколько позже, уже в XXI в., популярность слов *донор*, *донорство* начинает подпитываться новым их значением для русского языка — ‘благотворитель’, ‘благотворительность’². Это последнее значение, нас, собственно, и интересующее, заимствовано в русский уже не из французского, а из английского языка — международного языка благотворительности (семантика ‘даритель, жертвователь, благотворитель’ закреплена за англ. *donor* — это второе значение термина; первое, как и в русском, — ‘человек, жертвующий кровью’ [АВВУ Lingvo 11]).

Нужно подчеркнуть, что употребление слов гнезда *донорство* в «благотворительном» значении пока ограничено деловой и узкоспециальной сферами, переводными новостными сообщениями и т. п., см.:

В 2010 году по линии международного *донорства* Россия предоставила \$472,3 млн <Известия. 28.08.2011>;

Ближневосточная часть поездки будет во многом подчинена задачам разблокирования палестино-израильского урегулирования с акцентом на преодоление последствий конфликта в Газе, оказание населению сектора международной *донорской* помощи, а также достижение согласия между палестинцами <РИА Новости. 15.02.2009>.

² Точные статистические данные мы не приводим: в условиях неснятой омонимии в [НКРЯ] развести частотность *донорства* как сдачи крови и *донорства* как благотворительности крайне затруднительно.

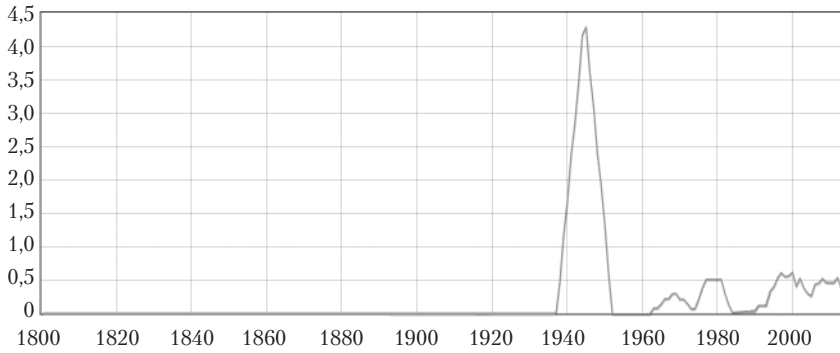

Рис. 5. Частотность употребления слова *донорство* по данным [НКРЯ]

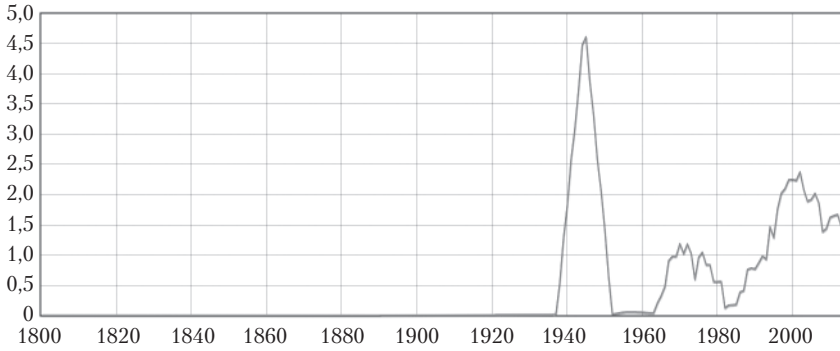

Рис. 6. Частотность употребления слова *донорский* по данным [НКРЯ]

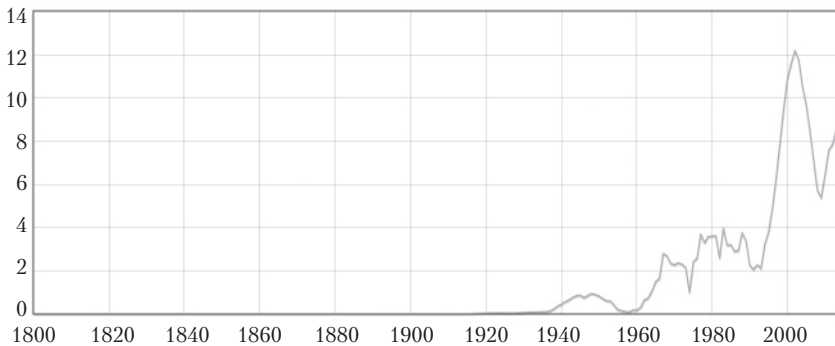

Рис. 7. Частотность употребления слова *донор* по данным [НКРЯ]

В «широкую» публицистику и тем более в русский общенародный язык эта новация пока не проникла (хотя, видимо, этого стоит со временем ожидать). В целом для *донорства* можно давать лингвистический прогноз, похожий на сценарий, характерный для термина *филантропия*: рост употребительности, связанный с совпадением или сходством лексемы с ее английским эквивалентом. Однако пока при обращении благотворителей к широкой русскоязычной общественности в рекламных и популяризаторских целях от употребления слов *донор* 'благотворитель', *донорский* 'благотворительный' лучше воздержаться, чтобы избежать недопонимания.

Говоря о «перезаимствовании» лексемы *донор* (из франц. *donneur* в одном значении, а затем из англ. *donor* — в другом), нужно обязательно упомянуть следующее. Закреплению заимствованного смысла 'благотворитель', кажется, способствовало существование у слова *донор* «собственно русского» значения 'тот, кто отдает что-л.; источник ресурсов' — это генерализация семантики 'тот, кто отдает кровь' (кровь как ресурс) (ср. лингвистические термины *язык-донор* и *язык-реципиент*).

В заключение укажем на лексикографический казус. Толковые словари современного русского литературного языка [Шведова; БТС; и др.] изменений в семантике слов гнезда *донорство* не отражают: «медицинское» значение в них — единственное; синонимов к этим лексемам также не предлагается (кроме странного слова *датель* [СС]). Стоит надеяться на исправление ситуации в последующих, новейших лексикографических изданиях.

* * *

Подведем краткие итоги. В структуре лексико-семантического поля «Безвозмездная помощь нуждающимся» центральную, ядерную позицию занимает исконно русское и имеющее высокую частотность слово *благотворительность*, обозначающее любую безвозмездную помощь и отягощенное полярными коннотациями (как положительными, так и отрицательными). Остальные рассмотренные термины, хотя и определяются через *благотворительность* и составляют синонимические ряды, занимают более или менее периферийное положение — либо в силу более узкого значения (*меценатство*), либо за счет ограниченной сферы употребления (*филантропия*, *донорство*).

Частотность лексем, называющих благотворительную деятельность, увеличивается в периоды социальной и экономической стабильности, налаживания международных связей — и идет на спад, когда общество вынуждено бороться с серьезными неприятностями. Яркий всплеск употребительности лексики *благотворительности* наблюдается в российском медиапространстве с середины 1980-х — 1990-х гг. и нарастает до наших дней. В связи с актуализацией благотворительной деятельности и модой на социальную ответственность в этот период новую жизнь получают слова *филантропия* (устаревшее к 1930-м гг. и обозначавшее ранее 'человеколюбие') и *донорство* («перезаимствованное» из английского языка: *donor* 'благотворитель, жертвователь' — и ранее имевшее

только медицинский смысл). Оба этих слова употребляются в основном в деловой сфере и новостных релизах; при этом *донорство* как 'благотворительность' не зафиксировано в толковых словарях русского языка и не известно рядовому носителю языка. В силу близости *филантропии* и *донорства* к международной благотворительной номенклатуре прогнозируется рост их частотности, однако при обращении к широкой общественности на данном этапе рекомендуется использовать ядерное слово поля *благотворительность*; при желании избежать возможных негативных коннотаций — слово *филантропия*.

Источники

БТС — Большой толковый словарь русского языка : А — Я / сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.12.2019).

СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М. : Наука, 1975–. Вып. 1–.

СЛРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / ред. С. Г. Бархударов. Л. ; СПб. : Наука, 1984–. Вып. 1–.

СС — Словарь синонимов. URL: <https://synonymonline.ru/> (дата обращения: 10.12.2019).

ССЕ — Словарь синонимов : справ. пособие / под ред. А. П. Евгеньевой. Л. : Наука, 1975.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В. И. Чернышев (вып. 1–2), С. Г. Бархударов (вып. 3–4), В. В. Виноградов (вып. 5), Ф. П. Филин (вып. 6–17). М. ; Л. : Наука, 1948–1965.

Ушаков — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Наука, 1935–1940. URL: <http://ushakovdictionary.ru>

Шведова — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007.

АВВУ Lingvo 11 : шесть языков : электрон. словарь. URL: www.lingvo.ru (дата обращения: 10.12.2019).

Исследования

Виноградов В. В. Основные этапы истории русского языка // Виноградов В. В. История русского литературного языка : избр. тр. М. : Наука, 1978. С. 10–64.

Кучко В. С. Язык русской благотворительности: глаголы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 4 (202). С. 293–310. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.4.077

Ларионова Е. В. Спонсор и меценат // Русская речь. 2002. № 5. С. 122–125.

Плотникова А. М. Наименования социально незащищенных групп лиц в правовом пространстве и за его пределами // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 4 (193). С. 209–218. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.4.077

Флат М. А. «Меценат» — «благотворитель» — «филантроп» в русском языковом сознании (советский и постсоветский периоды) // Очерки гуманитарных исследований / отв. ред. Е. В. Лукашевич. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. Вып. 7. С. 142–153.

Флат М. А. Динамика концепта «благотворитель» в языковом сознании русских // Динамика языка и сознания: психолингвистический и когнитивный аспекты исследования / отв. ред. Е. В. Лукашевич. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 106–127.

Флат М. А. Когнитивный признак «Оценка субъекта» концептосферы «Благотворительность» (дискурсивный анализ) // Вестник алтайской науки. 2013а. № 2. С. 139–142.

Флат М. А. Субъектно-объектные отношения в концептосфере «Благотворительность» // Известия Алтайского государственного университета. 2013б. № 2/1 (78). С. 153–157.

Флат М. А. Концептосфера «Благотворительность» в русской языковой картине мира (динамический аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2014.

References

Flat, M. A. (2009). “Metsenat” – “blagotvoritel” – “filantrop” v russkom iazykovom soznanii (sovetskii i postsovetskii periody) [“Меценат” – “благотворитель” – “филантроп” in Russian Linguistic Consciousness (Soviet and Post-Soviet Periods)]. In E. V. Lukashevich (Ed.), *Ocherki gumanitarnykh issledovaniy* [Essays on Studies in the Humanities] (Iss. 7, pp. 142–153). Barnaul: Altay University Press.

Flat, M. A. (2012). Dinamika kontsepta “blagotvoritel” v iazykovom soznanii russkikh [Dynamics of the Concept “благотворитель” in Russian Linguistic Consciousness]. In E. V. Lukashevich (Ed.), *Dinamika iazyka i soznaniia: psikholingvisticheskij i kognitivnyj aspekty issledovaniia* [Dynamics of Language and Consciousness: Psycholinguistic and Cognitive Aspects of Research] (pp. 106–127). Barnaul: Altay University Press.

Flat, M. A. (2013a). Kognitivnyj priznak “Otsenka sub"ekta” kontseptosfery “Blagotvoritel'nost” (diskursivnyi analiz) [Cognitive Token the “assessment of subject” of the “Charity” Concept Sphere (Discursive Analysis)]. *Vestnik altaiskoi nauki*, 2, 139–142.

Flat, M. A. (2013b). Sub"ektno-ob"ektnye otnosheniia v kontseptosfere “Blagotvoritel'nost” [Subject-Object Relations in the “Charity” Concept Sphere]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2/1 (78), 153–157.

Flat, M. A. (2014). Kontseptosfera “Blagotvoritel'nost” v russkoi iazykovoi kartine mira (dinamicheskii aspekt) [The Concept Sphere “Charity” in the Russian Linguistic Worldview: The Dynamic Aspect] (doctoral dissertation). Altai State University, Barnaul.

Kuchko, V. S. (2020). Iazyk russkoi blagotvoritel'nosti: glagoly [The Language of Russian Charity: Verbs]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 4 (202), 293–310. doi: 10.15826/izv2.2020.22.4.077

Larionova, E. V. (2002). Sponsor i metsenat [Sponsor and Patron]. *Russkaia rech'*, 5, 122–125.

Plotnikova, A. M. (2019). Naimenovaniia sotsial'no nezashchishchennykh grupp lits v pravovom prostranstve i za ego predelami [Nominations of Socially Vulnerable Groups in Legal Space and outside It]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 4 (193), 209–218. doi: 10.15826/izv2.2019.21.4.077

Vinogradov, V. V. (1978). Osnovnye etapy istorii russkogo iazyka [The Main Stages of the History of the Russian Language]. In V. V. Vinogradov, *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka: izbrannye trudy* [History of the Russian Standard Language: Selected Works] (pp. 10–64). Moscow: Nauka.

Сурикова Олеся Дмитриевна

кандидат филологических наук

¹старший научный сотрудник

топонимической лаборатории кафедры

русского языка, общего языкознания

и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

²научный сотрудник отдела диалектологии

и лингвистической географии

Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2

E-mail: surok62@mail.ru

Surikova Olesia Dmitrievna

PhD (Philology)

¹Senior Researcher

Toponymic Laboratory,

Department of the Russian Language, General

Linguistics and Verbal Communication

Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia

²Research Fellow

Department of Dialectology and Linguistic

Geography

V. V. Vinogradov Russian Language Institute

RAS

18/2, Volkhonka Str., 119019 Moscow, Russia

Email: surok62@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9526-7853

ResearcherID: R-6745-2016

Scopus AuthorID: 57192075045